

Глава 4

Политическая система

Прежде чем приступить к анализу политической системы, отметим следующее обстоятельство. Одним из важнейших методических инструментов анализа в западной политической науке начиная с 50-х годов стал системный анализ (см. гл. 1). Однако с легкой руки зачинателей этого подхода - американских политологов Д.Истона, К. Дойча, Г. Алмояда и др. - понятия "политическая система" и "системный анализ" на Западе фактически использовались как синонимы. К сожалению, многие отечественные авторы, не разобравшись в сути вопроса, воспроизводят схемы сформулированные американскими исследователями еще в 50-х — 60-х годах, хотя они в последние полтора-два десятилетия внесли в свои первоначальные построения существенные коррективы.

Напомним, что системный подход — одно из методологических направлений в политологических исследованиях. Его никак нельзя путать с политической системой, представляющей собой реальное институциональное образование. Это разноплановые вещи, и их смешение существенно ухудшит качество и достоверность результатов исследования.

4.1. Системный подход или политическая система?

Большинство западных политологов под политической системой подразумевает совокупность политических взаимодействий Ролей и функций, существующих в каждом сообществе. Как считал, например, Д. Истон [108], мы можем характеризовать политическую систему как ...комплекс взаимодействий, с помощью которых достигается и осуществляется властное размещение ресурсов в обществе. Модель политической системы Истона построена по аналогии с кибернетической системой, функционирующей по замкнутой схеме. Для Истона отправной точкой стал разрыв с традиционным подходом, построенным на изучении прежде Всего структуры системы и используемых в ней механизмов принятия решений. Истон рассматривал систему как некий "черный ящик" игнорируя происходящее внутри "ящика". Он анализировал главным образом отношения системы со своей средой, которая состоит из комплекса других систем, входящих в глобальную социальную систему: экономической, культурной, религиозной, экологической, биологической, психологической, международной и т.д. Отношения между политической системой и ее средой представлены в виде *входа* со стороны среды, который дает импульс системе, и *выхода*, который является реакцией системы на импульс среды. Реакция выхода вызывает ответную реакцию среды, она в свою очередь порождает новый вход, на который система реагирует новым выходом, и т.д. до бесконечности по принципу действия замкнутой кибернетической цепи.

Истон выделял два вида входов, например требования избирателей к системе и их поддержка системы. Спектр требований чрезвычайно широк: повышение зарплаты, улучшение условий труда, предоставление университету ассигнований и т.д. Если требований слишком много, то это ведет к ослаблению системы из-за создаваемых для нее перегрузок, которые она способна разрешить лишь до определенных пределов. Перегрузка может быть количественной, если требований много и парламент или правительство просто физически не в состоянии реагировать на все эти требования, или качественной, если требования слишком сложные. Поэтому их необходимо привести в соответствие с возможностями системы. Политики, государственные деятели, политические партии, профсоюзные руководители призваны регулировать требования, чтобы они не создавали слишком большие и чреватые для всей системы непредсказуемыми последствиями перегрузки. Эту же задачу выполняют существующие в обществе система ценностей, культурные нормы, установки и т.д., которые сдерживают требования в определенных рамках.

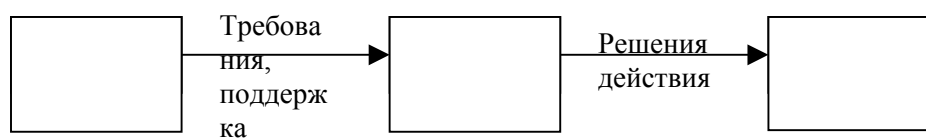
Второй вид входов — поддержка — не менее важен для системы, чем первый. Следует различать поддержку сообщества в целом, поддержку режима и поддержку конкретного правительства.

Например, можно быть патриотом своей родины, но презирать при этом существующий режим, поддерживать режим, одновременно не приемля действующее правительство, поддерживать правительство в целом, но негативно оценивать отдельных министров и т.д.

Решения, принимаемые системой в ответ на требования и поддержку, называют выходами. Последние в свою очередь становятся источником новых требований и поддержки, характер и содержание которых зависят от механизма обратной реакции или обратной связи. В схематическом виде модель Д. Истона представлена на рис. 4.1.

Еще дальше в деле "кибернетизации" модели политической системы пошел другой американский политолог К.Дойч. подчеркивал,

Окружающая среда

Окружающая среда

Рис. 4. 1

что кибернетика — это "наука коммуникации и контроля", Дойч рассматривал политическую систему как систему производства и воспроизводства информации. Информация — это структурированные отношения между событиями. Коммуникация — передача таких структурированных отношений. Каналы — пути передачи информации. Разумеется, коммуникационные процессы имеют ключевое значение для функционирования организаций, но эти последние не сводятся к ним.

Справедливости ради следует отметить, что в принципе сторонники системного анализа, например Г. Алмонд, признают необходимость выделения при анализе политической системы структур, выполняющих политические функции. Но при этом Алмонд считал, что единицей политической системы является роль. Здесь он опирался на определение Т. Парсонса и Э. Шильса, по мнению которых "роль — это тот организованный сектор ориентации действующего лица, которое составляет и определяет свое участие в процессе взаимодействия". Роль предполагает серию взаимодополняемых ожиданий, касающихся собственных действий данного лица и действий других лиц, с которыми он вступает во взаимодействие. Таким образом, утверждал Алмонд [86, с. 393-394],

...политическую систему можно определить как комплекс взаимодействующих ролей или как структуру ролей, если понимать под структурой систематизацию взаимодействий.

Преимущество концепции роли, по его мнению, в сравнении с такими понятиями, как "институты", "организации" или "группы", состоит в том, что она шире и более открыта. Концепция РОЛИ может включать формальные и неформальные учреждения, семью, электорат, толпу, временные и постоянные группы и т.д., поскольку они имеют касательство к политической системе. При таком подходе вопрос об институциональной структуре, "анатомии" политической системы как бы теряет актуальность. К тому же Истон, Алмонд и другие приверженцы данного подхода исходили из того, что понимаемую так политическую систему можно обнаружить во всех коллективах, осуществляющих функции адаптации и интеграции. Как считал, например, М. Дюверже, политика есть форма деятельности, присущая не одному какому-либо типу сообщества в лице государства, а любому коллективу, поскольку любое общество, группа, коллектив, община и т.д. составляют систему взаимодействий. По утверждению Дюверже, существует столько вариаций политической системы, сколько имеется разновидностей коллективов или человеческих сообществ. Можно конструировать и анализировать политические системы отдельной партии, объединений партий в одной стране, однотипных партий в нескольких странах. Можно говорить также о политических системах профсоюзов, ассоциаций, администраций, общин, регионов, церквей, армий и т.д. [106, с. 375]. Очевидно, что такой подход в значительной мере обесценивает саму идею вычленения политической системы как самостоятельного феномена, обладающего собственными, только ему одному присущими характеристиками. Напомним в этой связи, что традиционно в политической науке главное внимание концентрировалось на официальных политических институтах — государстве, партиях, конституции, исполнительных и законодательных органах власти и т.д. В результате из поля зрения выпадали динамика, деятельность, процесс. Бихевиористский подход и связанный с ним системный анализ явились реакцией на такое положение. При всех положительных аспектах бихевиоризма и системного анализа, о которых будет сказано в гл. 19, они концентрируют внимание на ролях, функциях и взаимодействиях в ущерб изучению самой политической системы с ее институтами, структурами и их взаимоотношениями, которые как бы выносились за скобки. В результате получалось, что основное внимание уделялось действиям, в то время как субъекты этих действий —

политические институты — отодвигались на задний план или вовсе игнорировались. Хотя такой подход никогда в полной мере не был реализован, он тем не менее имел далеко идущие последствия для вычленения, трактовки и типологизации политических систем. Прежде всего, обращают на себя внимание неопределенность, аморфность и некоторая искусственность построений системников. Взаимодействия политической системы со средой, обратные связи входов и выходов, разумеется, важны, но они составляют лишь один из множества аспектов проблемы. Центральное место в исследовании должны занимать сама политическая система, ее структурные элементы, конфигурация и т.д. У сторонников же системного подхода политическая система превращается в некий "черный ящик", некое промежуточное звено между входами и выходами. Как представляется, главная задача исследователя состоит в том, чтобы определить и проанализировать содержимое этого "черного ящика" и то, что происходит внутри него. Политическая система предполагает наличие не только системы отношений, но и в первую очередь структур, институциональной инфраструктуры, на основе которых могут разворачиваться указанные отношения. Как подчеркивал Т.Парсонс, структура составляет анатомию социальной системы, а функции — ее физиологию. Этот постулат не в меньшей мере верен и применительно к политической системе. Говоря о политической системе, мы подразумеваем политическое устройство, политическую самоорганизацию общества, которые невозможно представить себе без институциональной структуры.

При анализе политических отношений и взаимодействий, прежде всего, необходимо определить их субъекты. Возьмем, например, нормы и правила политической игры. Можно ли изучать их в отрыве от того основополагающего документа — конституции, в которой эти нормы и правила законодательно зафиксированы. Здесь вопрос "Кто и с помощью каких механизмов и инструментов управляет той или иной страной?" не менее важен, чем вопрос "Как управляется страна?" Если поставить эти вопросы или один из них перед современным россиянином, то мы, по-видимому, получим ответ: "Президент в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Государственной Думой и Советом Федерации, а также судебной властью, руководствуясь при этом Конституцией". Если эти вопросы задать американцу, то ответ, очевидно, будет аналогичным: "Президент страны в тесном сотрудничестве и взаимодействии с Конгрессом и Верховным судом". Возможный ответ, вытекающий из системного подхода: "В процессе взаимодействия ролей в сфере политики," — не отражал бы во всей полноте реального положения.

Как уже говорилось, политическая система в собственном смысле слова в первую очередь предполагает институциональную Инфраструктуру политической самоорганизации общества. Разные политические системы отличаются друг от друга прежде всего наличием или отсутствием тех или иных институтов, характером их конфигурации, структурных взаимоотношений, выполняемых ими функций и т.д. Следует отметить, что некоторые представители системного анализа, особенно в континентальной Европе, были вынуждены признать это и внести соответствующие коррективы в свои построения. Как утверждал, например, М.Дюверже,

...комплекс политических институтов, функционирующих в данной стране в данный момент, составляет "политический режим" в некотором роде, политические режимы — это некие скопления, для которых политические институты являются звездами.

Политические режимы составляют устойчивые и хорошо скоординированные комплексы институтов, отдельные элементы которых трудно отделить друг от друга. Существует тесная взаимозависимость между всеми институтами режима, а также между политическим режимом и экономическими структурами, идеологиями, системами ценностей и господствующим в обществе мировоззрением. По мнению М.Дюверже [105], когда хотят отметить взаимозависимость между политическим режимом и социальным контекстом, в котором он развивается, то большей частью говорят о политической системе. Но выражения "политическая система" и "политический режим" являются практически синонимами.

В другом месте М.Дюверже подчеркивал, что политическая система имеет отношение к комплексу институтов [106] — власти, государственному аппарату и средствам его функционирования, а также всему тому, что с этим связано.

Очевидно, что, не выяснив вопрос об анатомии и институциональных субъектах политической системы, нельзя вести серьезный разговор о целях и функциях политической системы, условиях

и принципах распределения и реализации политической власти и о многих других ключевых проблемах политологии.

Таким образом, политическая система представляет собой комплекс институтов и организаций, в совокупности составляющих политическую самоорганизацию общества. Это, прежде всего институты и органы управления, руководства и координации политической жизни.

Центральным, или осевым, институтом политической системы, вокруг которого группируются остальные институты, является государство. Нередко имеет место фактическое отождествление политической системы и государства, что со строго научной точки зрения не совсем правомерно. Выделение понятия "политическая система" диктуется тем, что оно свободно от правоведческих и законоведческих значений, ассоциируемых с понятием "государство". Его концептуальное значение шире и позволяет включать феномены и процессы, не всегда отождествляемые собственно государством, но тем не менее без государства нет политической системы, и, естественно, оно должно стоять в центре внимания политологического исследования.

Здесь нельзя не отметить, что именно игнорирование институционального и структурного аспектов политической системы способствовало возрождению в западной и особенно американской политологии в 70-х — 80-х годах интереса к теории государства. Американская ассоциация политической науки в 1981 г. на своей ежегодной конференции расценила данную тенденцию как "восстановление статуса государства в политической науке". Государство, будучи концентрированным воплощением идеи политического, выступает в качестве центрального, или осевого, элемента политической системы. Именно вокруг государства группируются остальные политические институты, борьба между различными социально-политическими силами разворачивается прежде всего за завоевание государственной власти и рычагов государственного управления. Государство по своей сути призвано обеспечить целостность и единство разнообразных институтов и агентств, выполняющих разнообразные функции управления. Например, политические партии, избирательная система, система представительства и т.д. немыслимы в отрыве от государства. Оно реализует отношения власти и контроля в обществе. В этом контексте государство является базисной структурой правления и порядка в обществе. В самом государстве центральное место занимают парламент, правительство и все исполнительные органы власти, административный аппарат, институты, в задачу которых входит отправление правосудия.

Высшие органы государственной власти в лице главы государства и его аппарата, правительства, парламента и судебных органов в совокупности играют роль управляющей подсистемы, составные компоненты которой связаны между собой сложными функциональными отношениями. Они принимают решения общенационального значения, обязательные для исполнения как всеми без исключения звеньями государственного аппарата, так и гражданами. Каждый из высших органов государственной власти обладает реальной структурно-функциональной определенностью, установленной конституцией и известной самостоятельностью по отношению друг к другу. Это вытекает из принципа разделения властей на три самостоятельные ветви - законодательную, исполнительную и судебную. В этом качестве каждая из них выступает как самостоятельная подсистема по отношению к общей управляющей системе.

Немаловажное место в политической системе занимают партии и связанные с ними организации, объединения, союзы механизмы реализации политического процесса и т.д. Подчеркивая значимость партий, немецкий политолог К. фон Байме называл современные западноевропейские политические системы партийными демократиями. Нередко партии, партийные и избирательные системы рассматриваются как самостоятельная сфера, существующая отдельно от политической системы. Более обоснованной представляется позиция Г. Алмонда. Он, в частности, выделял два уровня политических структур: институциональный и ассоциативный. При этом государство и его институты составляют, первый уровень, а партии — второй. Однако партии играют существенную роль как в определении структуры политической системы, так и в ее функционировании. Показательно, что некоторые исследователи оценивают партии в качестве структурообразующих элементов политических режимов в рамках той или иной политической системы. Партии во многом определяют адз неспособность и функционирование политической системы. Более того, в тоталитарной системе единственная господствующая партия органически и неразрывно сливается с государством, так что выделить институциональный и ассоциативный уровни здесь невозможно. В целом современные политические системы немыслимы без партий и связанных с ними институтов. Не случайно, например, в конституции ФРГ зафиксированы юридический и политический статусы партий как главных политических организаций государства.

Помимо названных базовых структурных элементов политическая система, по-видимому, включает различные общественно-политические организации, комитеты политического действия, институты и механизмы принятия решений, например, институты корпоративизма (об этом см. в следующих главах). В целом политическая система охватывает институционально-организационный аспект подсистемы политического с его основополагающими целями, субъектами, отношениями, процедурами, механизмами, функциями и т.д.

4.2. Опыт типологизации политических систем

Политическая система характеризуется интегрированностью, что в свою очередь предполагает вертикальную и горизонтальную согласованность ее структурных элементов. Ее жизнеспособность определяется степенью согласия и сотрудничества между отдельными элементами. Политическая система самодостаточна в том смысле, что силу своей внутренней организации и ресурсов, а также доступности к необходимым ресурсам в окружающей среде она обладает способностью функционировать автономно, реализуя свои ценности, нормы и коллективные цели, приспосабливаясь к условиям среды. Политическая система, равно как и любая другая система, открыта влиянию окружающей среды, с которой она вовлечена в процессы взаимодействия и из которой получает важнейшие стимулы для своей деятельности. Открытость уже сама по себе предполагает, что политическая система является частью или подсистемой другой, более широкой системы, а именно человеческого социума в целом. Среду политической системы можно условно разделить на ближнюю и дальнюю. *Ближняя среда* — это собственно подсистема политического.

Разумеется, политическая система располагает определенной совокупностью правил игры, реализуемых в процессе взаимодействия и функционирования ее институтов. Но эти правила и отношения формируются и действуют в более широком контексте подсистемы политического. То же можно сказать о политическом поведении, политической культуре, политической этике и других составных элементах и атрибутах подсистемы политического. Говоря о *дальней среде*, мы имеем в виду общество, взятое в целом, влияние на политическую систему которого осуществляется во многом опосредованно, опять же в общем контексте подсистемы политического. При этом важно учесть, что при всей открытости политической системы влиянию обеих сред она обладает значительной долей самостоятельности и сама способна оказывать на них значительное влияние.

Деятельность и функционирование политической системы, как уже отмечалось, предполагают определенные правила. Различают правила, призванные регулировать пути, способы и методы, с помощью которых члены общества могут воздействовать на политическую власть, и правила, определяющие способы реализации политической власти. Первые охватывают отношения подчинения и участия, а вторые — управления и регулирования. Поэтому естественно, что политические отношения — важная структурно-функциональная составляющая мира политического. Если речь идет об отношениях, то, естественно, предполагается существование и субъектов этих отношений. К.Маркс считал субъектами политики и политических отношений классы, А.Парето и Г.Моска — элиты, А.Бентли, Д.Трумен и др. — заинтересованные группы. Однако очевидно, что политические отношения могут реализоваться как между различными политическими институтами, так и между различными социально-политическими силами. Иначе говоря, и те, и другие могут выступать в качестве субъектов политических отношений.

Б.И.Коваль и И.В.Ильин выделяют следующие группы субъектов политики: 1) субъекты социального уровня — класс, этнос, масса, группа, отдельный индивид, электорат в целом, мафия, военно-промышленный комплекс и т.д.; 2) институциональные субъекты — государство, партия, профсоюз, парламент, президент, университет и т.д.; 3) функциональные субъекты — армия, церковь, оппозиция, средства массовой информации и т.д. [57, с. 152—153].

С рассматриваемой точки зрения одним из основных для все теорий политического является поставленный некогда Платоном вопрос: *Кто должен господствовать?* или, другими словами: *Чья воля может и должна доминировать в обществе?* На этот вопрос существует множество разных ответов: воля всевышнего, воля истории, воля государства, народа, большинства, класса, партии, вожда и т.д. Вопрос может быть поставлен и несколько иначе: *кому следует править, почему, как, в чьих интересах?* В зависимости от ответов на эти и подобные вопросы формулируются и конструируются основополагающие параметры политической системы. Поэтому естественно, что классификация, или типологизация, политических систем составляет одну из важнейших задач политологии. Истоки существующих типологизаций можно обнаружить в античной общественно-политической мысли.

Платон разделил древнегреческие города-государства на следующие типы: 1) монархия — правление одного хорошего человека, ее искаженная форма — тирания; 2) аристократия — правление нескольких хороших людей, ее искаженная форма — олигархия; 3) демократия — правление многих или всего народа. Показательно, что Платон не приводит искаженную форму демократии, считая, что сама демократия — наихудшая форма правления

Продолжая традицию Платона, Аристотель выделял два основных критерия для различения государства или конституции "природа цели, ради которой государство существует", и "различные формы власти, которой люди и их ассоциации подчиняются". В соответствии с первым критерием Аристотель различал следующие темы, в которых правители управляют "в общих интересах", т.е. для достижения "хорошей жизни" не просто лично для себя, а для всех, и системы, в которых правители преследуют скорее собственный корыстный интерес, чем общий. Аристотель считал правильными те формы, которые независимо от числа властвующих управляются, "руководствуясь общественной пользой", а те, которые имеют в виду собственную выгоду, "только благо правящих - все ошибочно и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей" [2].

В соответствии со вторым критерием Аристотель различал формы правления по количеству властвующих. Так, он писал: "Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства".

По Аристотелю, правление одного — это монархия, или царская власть, правление немногих — аристократия и большинства - полития. Их отклонения составляют соответственно тиранию, имеющую в виду выгоды одного правителя, олигархию — выгоду состоятельных граждан и демократию — выгоды неимущих. Схематически типологизация Аристотеля может быть представлена в следующем виде:

Сколько Властвует	Чьи интересы выражает	
	Всех	Свои
Один	Монархия	Тирания
Несколько	Аристократия	Олигархия
Многие	Полития	Демократия

В Новое время наиболее известные типологизации систем правления дали Т.Гоббс и Ш.Л.Монтескье. Так, Т.Гоббс различал три формы государства в зависимости от числа людей, в руках которых сосредоточена власть: правление одного — монархия, части граждан — аристократия и всего народа или большинства народа — демократия. Что касается тирании и олигархии, говорил Гоббс, то они лишь "различные названия монархии и аристократии". А те, "кому причинено огорчение при демократии, называют ее анархией". Сам Гоббс предпочтение отдавал безоговорочно монархической форме правления [23, т. 2, с. 144]. Ш.Л.Монтескье, продолжая традицию Аристотеля, в первых книгах своего главного труда "О духе законов" (1747) разработал типологизацию, в которой различает три главные формы правления — *республику, монархию, деспотизм* [46, с. 234].

Республиканское правление — это такое правление, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом господствуют воля и произвол одного человека, не признающего законы и правила.

По-аристотелевски характеризуя эти две системы по количеству властителей, Монтескье вместе с тем внес в их трактовку существенные коррективы. Например, рассматривая монархию и деспотию как системы, в которых властвует один, Монтескье делал важную оговорку: монархия — это система, в которой властвует один, однако строго придерживаясь установленных законов, а деспотия — система, при которой правит один, не признавая каких бы то ни было фиксированных законов, на основе произвола. Если для Аристотеля демократия и аристократия — совершенно разные типы правления, то Монтескье рассматривал их как две формы республиканского правления. При первой правит весь народ, а при второй — часть его. Причем, по его мнению, каждая форма правления базируется на некоем этосе или принципе, без которого невозможны ее стабильность и жизнеспособность: добродетель при республике, честь при монархии, страх при деспотизме.

Монтескье подверг сомнению универсальность аристотелевской типологизации, ее пригодность для всех исторических эпох и обществ. Она основывалась на греческом полисе, который Аристотель считал универсальной формой самоорганизации общества. Монтескье, наоборот,

исходил из того, что каждый из выделенных им типов правления появляется в определенных общественно-исторических условиях. Так, республиканская форма правления была характерна для античных полисов, монархия — для современной ему Европы, а деспотия — для азиатских империй. Как считал Монтескье, каждый из трех типов правления соответствует определенным размерам территории, занимаемой данным политическим сообществом: республика — небольшой территории; монархия — территории средней величины, а деспотизм — обширным размерам империи.

Широко известна типологизация систем правления, предложенная М.Вебером. Он полагал, что правители могут претендовать на легитимность своего правления, а управляемые принять его законность на следующих трех основаниях.

Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего", нравов, "традиционное" господство в том виде, "как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа". Здесь легитимность основывается на общепринятом убеждении в святости традиций и необходимости подчинения правителям, осуществляющим власть согласно традициям. Вебер рассматривал это как самый универсальный и самый примитивный вариант власти. Однако легитимность современных систем в значительной мере ба-ся на традициях. Так, многие аспекты политической системы Великобритании, например монархия, принимаются ее гражданами в силу их традиционности.

Во-вторых, исключительные личные качества правителей, например героизм, принципиальность, смелость, решительность и т.д., объединяемые понятием харизмы.

В-третьих, господство легальности в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой компетентности, обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил [10, 646]. Здесь власть базируется на правовых основах: конституционные правила, законы и власть официальных лиц принимаются в силу того, что они правомочны; то, что делается на законных основаниях, рассматривается как легитимное. Отсюда — традиционная власть, харизматическая власть и правовая власть.

Существует ряд других типологизаций. Они развивают и конкретизируют приведенные выше и в то же время повторяют, дополняют и перекрывают друг друга. Назовем некоторые из них. Так, *Г.Алмонд* различал следующие типы политической системы: англо-американский;

континентально-европейский (исключая страны Скандинавии и Бенилюкса, для которых характерны признаки обоих названных типов); доиндустриальный, или полундустриальный, распространенный за пределами европейско-американского региона, и тоталитарный.

М.Дюверже выделил следующие типы: либерально-демократический, социалистический, консервативно-диктаторский, традиционная монархия и др. *Ц.Энтер* писал о диктаторской, олигархической, косвенно-представительной и прямой представительной системах. Интерес представляет классификация *С.Н.Айзенштадта*, включающая примитивные (или первобытные) системы, патримониальные империи, кочевые, или завоевательные империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы, которые в свою очередь подразделяются на демократические, автократические, тоталитарные и слабо развитые.

Каждая из этих типологизаций имеет свои достоинства и недостатки. С учетом достижений западной и отечественной политической науки ниже автором предлагается собственная типологизация политических систем. В античной Греции типологизацию троили на одной и той же модели политической организации — полисе. В наши дни в большинстве случаев используется однолинейная схема типологизаций: либо по вертикали — разграничение и сравнение "низших" и "высших" форм правления (рабовладельческие - феодальные — капиталистические; патриархальные — традиционалистские — рационалистические), либо по горизонтали (коллективистские — индивидуалистические; диктаторские — либеральные; тоталитарные — демократические и т.д.). Поэтому зачастую вне поля зрения исследователей остается проблема соотношения разных уровней типологизации, например соотношение между собой демократии — унитаризма; тоталитаризма — федерализма; демократии — федерализма и т.д.

Предлагаемая типологизация строится с использованием системообразующих характеристик — либерально-демократической и диктаторской; соотношений различных ветвей и институтов власти — монархия, президентская республика, парламентская рее. публика и т.д.; форм государственного территориально- административного устройства — унитарное государство, федерация и конфедерация.

В первом случае речь идет о типах политической системы, во втором — о типах политических режимов, в третьем — о формах государственно- административного устройства. Контурь политической системы в самом общем виде выше уже были очерчены. Сущностные

характеристики конкретных блоков и типов политических систем даны в гл. 5 и 8, третий аспект типологизации — в гл. 4. Ниже рассмотрим, что понимается под политическим режимом.

4.3. Политические режимы

Наряду с политической системой часто используется понятие "политический режим". Как соотносятся эти два понятия? Это один из сложнейших вопросов современной политической науки. Нередко между этими понятиями вообще не делают различий. Например, американский политолог М.Хагопян использует понятия "полития", "политическая система" и "политический режим" как синонимы. По его мнению, эти термины в широком смысле означают "фундаментальную организацию политической жизни"» выражая общие структурные характеристики политического по рядка. М.Дюверже, приложивший немало усилий для раскрытия данной проблемы, понятия "политическая система" и "политический режим" также использовал в качестве синонимов. В отечественной литературе нередко одинаковое значение придают следующим понятиям: президентский режим — президентская система, парламентская система — парламентский режим, демократический режим — демократическая система, тоталитарный режим - тоталитарная система и т.д.

Существуют ли различия между этими парами понятий и, если да то в чем они состоят? Главные отличия политического режима намечаются в рамках самих политических систем по принципам организации ветвей и конкретных институтов власти, формам и методам осуществления политической власти. Некоторые политологи рассматривают партии и партийные системы в качестве стрелковых элементов политических режимов. Например, по словам М.Дюверже [105, с. 308],

базой для фундаментальной классификации современных режимов становится разница между однопартийными, двухпартийными и многопартийными системами

В принципе такой подход не противоречит только что высказанному тезису, поскольку конфигурация партийных систем в значительной мере зависит от характера соответствующего режима (см. гл. 6).

В либерально демократической системе определяющее значение для классификации политических режимов имеет характер разделения властей, которое оказывает существенное влияние на конфигурацию соотношения, прерогативы и функции основных властных институтов. Прежде всего режимы различают по роли, которую играют глава государства и глава правительства: конституционная монархия, парламентская республика, президентская

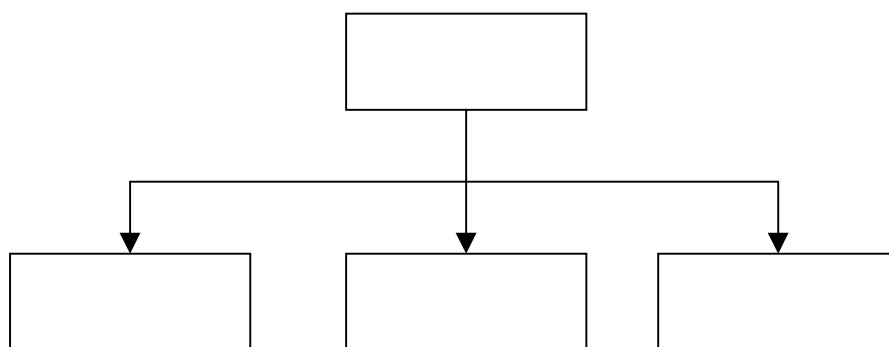

Рис 4.2.

республика и смешанная президентско- парламентская республика. При этом необходимо отметить, что парламентская монархия, за исключением процедуры избрания главы

государства, по базовым параметрам совпадает с парламентским режимом. Схематически эта типология изображена на рис. 4.2.

Политическая система диктаторского типа

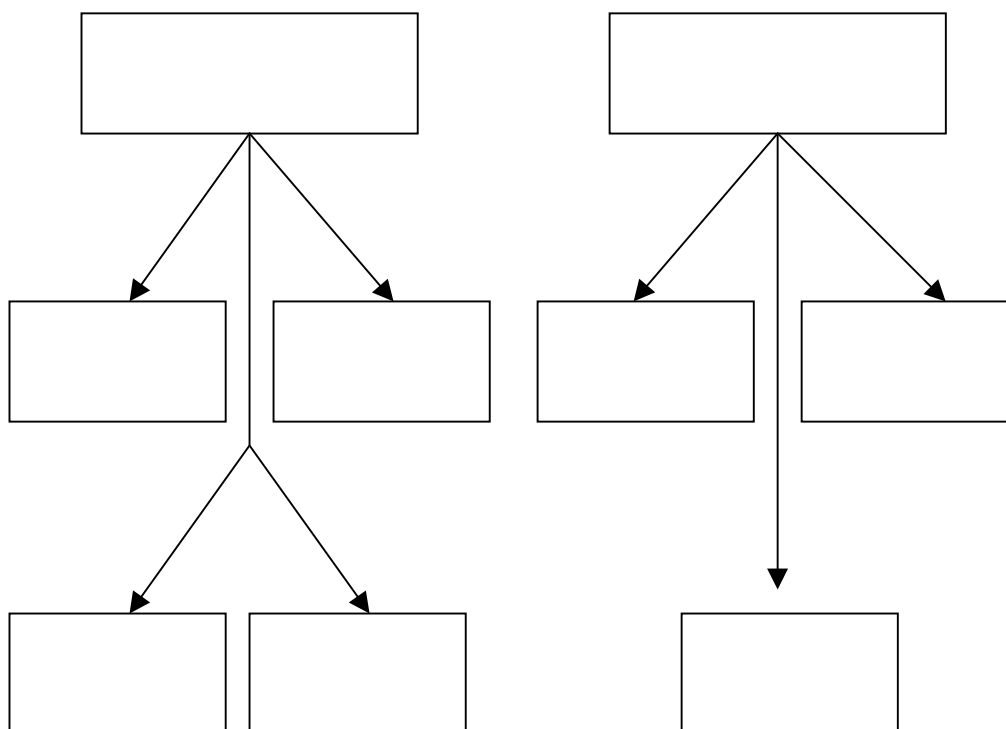

Рис 4.3.

В диктатуре, или политической системе диктаторского типа, отсутствует разделение властей. Поэтому в качестве главного критерия можно принять формы организации и функционирования унитарной иерархической власти. По этому критерию в современной диктаторской политической системе различают авторитарные и тоталитарные режимы. Внутри этих режимов существует целая гамма особенностей, нюансов, модификаций. Так, в рамках тоталитаризма различают большевистский, нацистский и фашистский режимы. В рамках авторитаризма так выделяют несколько типов режимов: традиционно-монархический, гражданский, военный, авторитаризм модернизации. Схематически типологизация режимов политической системы диктаторского типа имеет весьма сложную конфигурацию (рис. 4.3). Необходимо учесть, что и в авторитаризме, и в тоталитаризме, как мы ниже увидим, существуют смешанные типы, сочетающие в себе элементы разных политических систем.

4.4. Территориально-политическая организация государственно-политической системы

Политическая организация современного мира базируется главным образом на разделении стран и народов по территориальному принципу. Само государство теснейшим образом связано с территориальными интересами. Политическая власть, как правило, всюду ограничена определенной территорией. Хорошо охраняемые национальные границы указывают пределы, на которые распространяется территориальный контроль и принудительная система. В рамках самого национального государства внутригосударственные территориальные границы определяют пределы административного контроля, которым наделены те или иные субнациональные уровни или органы управления.

Масштабы территориальной и функциональной дисперсий центральной власти и вытекающих из нее ответственности и автономии территориальных или функциональных подразделений сильно варьируются от страны к стране, а нередко и в рамках одной и той же страны. Как писал

А. Дучесик, люди оказываются рационально и подсознательно привержены территории своего проживания, ее образу жизни, ее институтам, культуре в ходе сложного процесса, который можно назвать территориальной социализацией. Речь в данном случае идет о географическом аспекте общего процесса политической социализации [107]. С малых лет люди узнают о ценностях и целях, политической власти и политической культуре, народной культуре, существовании системы наград и наказаний, а также о наличии географических границ между их собственной территорией и внешним миром. Школьные карты, на которых мир разделен на разноцветные фрагменты, отождествляется с частью того, что именуют политической социализацией. Существует множество территориальных символов — флаги, цветы, деревья, птицы, эмблемы, лозунги, гимны и т.д., способные воспитывать гордость и чувство принадлежности к данной территории — государству, провинции, городу. Одним из факторов, способствующих усилению барьеров, разделяющих территориальные государства, является язык. Территориальная идентичность нередко очевидна. Политическая и языковая границы часто совпадают, но не всегда, например, США и англоязычные страны: Германия, Австрия и часть Швейцарии; Франция, часть Бельгии, Швейцарии и Канада; Испания, Португалия и Латинская Америка. В тех случаях, когда языковая и территориальная границы совпадают, язык становится не только одним из важных элементов осознания территориальной идентичности, но и наиболее эффективным инструментом территориальной социализации.

Нередки случаи, когда территориальное отчуждение и требования сецессии не связаны с языковым, расово-этническим и религиозным принципами. Можно привести немало примеров территориальной сецессии от сравнительно гомогенных в языковом, религиозном, расовом и религиозном отношениях общи деление Австрии от Германской империи, Южной Африки и Родезии от Великобритании, стран Латинской Америки от Испании и Португалии. Причем если в рамках Испанской империи Центральная и Южная Америка были разделены только на восемь административных единиц, то процесс дальнейшего разделения привел к увеличению их числа в три раза. Здесь нельзя не упомянуть также отделение североамериканских колоний от Англии 1776 г. и попытку одиннадцати южных штатов отделиться от США в 1861 г.

Рассматриваемая проблема теснейшим образом связана с распределением властных функций и полномочий между различными органами власти как по горизонтали, так и по вертикали.

Выделяются функциональное и территориальное распределения этих полномочий. Под первым имеется в виду наделение специализированными ролями конкретных лиц и институтов в соответствии с их профессиональными или иными качествами. Примерами таких специализированных агентств или агентов в самом широком смысле являются администраторы, менеджеры, законодатели, судьи и т.д. Функциональные институты раздробляются на все более узко специализирующиеся подразделения. Такое функциональное раздробление существует во всех ветвях власти законодательной, судебной и исполнительной. Когда говорят о *территориальном* или *территориально-административном делении*, речь идет о принципах и механизмах взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти. В реальной жизни эти принципы и механизмы выражаются в унитаризме, федерализме и конфедерализме. Как они соотносятся с различными типами политических систем и режимов. Анализ реальной ситуации не дает оснований для установления каких бы то ни было устоявшихся однозначных корреляции между тремя уровнями типологизации. Так, для США и ФРГ, где господствует либерально- демократическая система, характерен федеративный принцип государственного устройства, но такой же принцип был характерен для тоталитарного Советского Союза и Бразилии, когда там господствовала авторитарная система. В то же время унитарное устройство было реализовано в нацистской Германии и фашистской Италии, унитарными являются большинство современных либерально-демократических государств. Либерально- демократическая Швейцария формально считается федерацией кантонов, хотя реально является федерацией, но рабовладельческие штаты, отделившиеся от северных штатов во время гражданской войны, также отдали предпочтение конфедеративному устройству государства. Федерализм встречается как в многонациональных странах (Индия, Россия), где имеет место сочетание территориально-политического и территориально-национального принципов, так и в преимущественно одно-национальных странах (ФРГ) с их территориально-политическим принципом государственного устройства.

Предельно упрощенно различия между тремя типами полной системы или государства в рассматриваемом контексте изобразил Д.Найс (рис. 4.5).

Унитарный Федеративный Конфедеративный

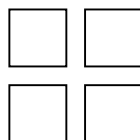
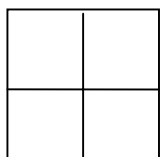

Рис 4.5.

Унитарный тип является одним из самых распространенных типов территориально-политической организации как в современном мире, так и в прежние периоды истории человечества. Большинство национальных государств сформировалось как унитарные. Таковыми были все абсолютистские монархии Европы и все восточные деспотии. В отличие от федерального государства, в котором три уровня управления — федеральный, субъектов федерации и местный, в унитарном существуют лишь два уровня — общенациональный и местный. В унитарном государстве полномочия делегируются Центральными властями территориальным органам самоуправления, а в федеральном — унитаризм существует в рамках субнациональных единиц: штата, земли, провинции, области. Унитарное государство независимо от того, централизованное оно или децентрализованное, демократическое или авторитарное, характеризуется господством единой системы органов власти и правосудия, руководствующихся едиными правовыми и конституционными нормами. Здесь все управленческие образования сверху подчинены правительству и являются административными подразделениями. Прерогативы руководителей местных органов власти, хотя они и избираются на выборах, существенно ограничены, их деятельность контролируется центральным правительством. Разумеется, масштабы централизованности и такого контроля варьируются в разных странах. Но вместе с тем необходимо отметить, что унитарное устройство не обязательно предполагает жесткую административную централизацию. Такая централизация, как правило, характерна для авторитарных и тоталитарных государств независимо от их территориально-государственного устройства. Например, СССР формально считался федеративным государством, но на деле для него были характерны жесткий унитаризм, централизация и регламентация (об этом более подробно см. ниже). В современных высокоразвитых индустриальных обществах централизация, сыгравшая немалую положительную роль на определенном этапе исторического развития (например, в периоды образования национальных государств, индустриализации, восстановления экономики после первой и второй мировых войн и т.д.), утрачивает характерные для нее преимущества.

В последние десятилетия в большинстве унитарных государств: Италии, Франции, Великобритании и др. — наметились все более четко проявляющиеся тенденции к децентрализации, передаче местным органам как можно больше властных прерогатив и функций. Например, в Италии имеются различия между областями с обычным статусом и областями, сохраняющими особый статус на основе специфических культурных, этнических или исторических особенностей (Сицилия, Сардиния, Валле Д'Аоста, Трентино-Альто Адидже). Все большей самостоятельности в решении местных проблем добиваются Шотландия, Уэльс и другие области Великобритании с тем, чтобы более оперативно реагировать на изменяющиеся условия жизни на местах, гибко и эффективно руководить социальными и политическими интересами. Но при этом в силе остается основополагающий принцип, по которому всю властную структуру сверху донизу определяют центральные органы государства. Децентрализованные образования не вправе произвести какие бы то ни было изменения по собственному усмотрению без согласия центральных властей.

С этой точки зрения в ряде стран в последнее время происходят существенные изменения. Так, с принятием конституции 1978 г. в Испании по сути дела наметилась тенденция к федерализации. Сначала страна Басков и Каталония, а затем Галисия и Андалусия получили автономию при сохранении сильного центра. Другие провинции Испании также имеют собственные правительства, обладающие гарантированными конституцией властными полномочиями. В результате эта страна заняла как бы промежуточное положение между унитаризмом и федерацией.

В процессе реформирования государственно-административной системы в течение трех десятилетий (1962—1993) Бельгия из унитарного государства превратилась в федерацию: две

этнолингвистические общности, из которой состоит эта страна, — франкоязычная Валлония и фламандскоязычная Фландрия — стали равноправными субъектами федерации.

Во многих странах современного мира утвердился *федеративный тип государственно-территориального устройства*. К их числу относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бразилия, Индия, Канада, Малайзия, Мексика, Нигерия, США, ФРГ. Федеративный путь государственного обустройства избрала и новая Россия.

Те или иные элементы федерализма существовали еще в условиях античной Греции, в современном смысле он связан с возникновением буржуазного общества и капиталистического государства. Одной из первых федераций была Нидерландская республика семи соединенных провинций, основанная в 1579 г. по Утрехтской унии. В силу ряда причин она вскоре потерпела неудачу. Наиболее старой из всех существующих сейчас федераций являются США, основанные по Конституции 1787 г.

Основателем теории федерализма считается Й.Альтузиус (1562-1638), который разработал так называемую федеральную теорию народного суверенитета. Согласно этой теории, государство характеризовалось как союз общностей, иерархически возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особым соглашением. Наибольшую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX в. и в XX в., когда интенсифицировались процессы образования современных национальных государств. Прудон даже предсказывал, что "XX век откроет эру федераций". Как бы подтверждая правоту Прудона, известный французский социолог Р. Арон рассматривал федерализм как единственное пригодное для наших дней средство, способное вывести современное государство из тупика. Он утверждал, что федерализм в середине XX в. играет ту же роль, какую играл либерализм в XVIII в. и марксизм в середине XIX в., т.е. он соответствует идеям нашего времени, позволяя использовать их в теории и на практике.

Федерация представляет собой союзное государство, состоящее из множества (как в России и США) или нескольких (Канада) государственных образований, обладающих определенной степенью самостоятельности в тех или иных сферах общественной жизни. Федеративное устройство призвано обеспечить хозяйственное и политическое единство страны с большой территорией и разобщенными районами. Оно успешно сочетает преимущества государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью членов. Здесь так называемая общая воля, служащая в качестве некоей невидимой оси государства, вырабатывается как бы из двойного источника — волеизъявления всех ее граждан, с одной стороны, и государств-членов — с другой.

Федеративное устройство государства существенным образом отражается на структуре высшего законодательного органа, который состоит из двух в принципе равноправных палат, например сената и палаты представителей Конгресса США. Существование двух палат позволяет сочетать представительство населения страны в целом с территориальным представительством от земель, штатов или иных административно-территориальных образований. Две палаты различаются по функциям, властным прерогативам, а во многих случаях и по способу избрания их депутатов. Если нижние палаты, как правило, формируются посредством прямых выборов, то верхние палаты в разных странах комплектуются по-разному.

При всей разработанности федеративное устройство остается одной из дискуссионных проблем со множеством неясностей, двусмысленностей и недоразумений. Американский политолог Д.Эла-зар видел причины этого в следующем: федерализм, во-первых, относится одновременно и к структуре, и к функционированию государственной власти; во-вторых, обеспечивает синтез единства и разнообразия; в-третьих, выступает одновременно как политическое и социальное явление; в-четвертых, предусматривает определенные цели и средства их достижения; в-пятых, цели при этом могут быть по своему характеру ограниченными и глобальными; в-шестых, существует несколько моделей политической организации федералистского характера.

Пожалуй, самой сложной и запутанной из всех проблем, связанных с федерализмом, является проблема суверенитета. Выше уже затрагивался вопрос о суверенитете как одном из важнейших сущностных признаков государства. В данной связи говорилось и о некоторой модификации в сторону смягчения чрезмерно жесткой трактовки суверенитета, характерной для многих исследователей XIX в. В значительной мере такая модификация была вызвана необходимостью соотнесения суверенитета с принципами федеративного устройства государства.

Споры о государственном суверенитете при федерации развернулись еще в XIX в. между сторонниками трех конфликтующих позиций. Так, Г.Еллинек, П.Лабанд, В.Уиллоуби считали, что суверенитетом обладает лишь федеративное государство в целом. Диаметрально противоположную точку зрения высказывали М.Зейдель и Дж.Кэлхун, по мнению которых суверенитет принадлежит составным частям федерации, которые обладают правом свободного

выхода из нее. Компромиссный подход предложили А. де Токвиль, Г. Вайу и др., утверждавшие, что суверенитет делится между федерацией и субъектами федерации в соответствии с закрепленной в конституции долей разделения властных полномочий по вертикали. Эти споры и дискуссии не затихают и в наши дни. Они получили новый мощный стимул в результате развала коммунистических систем в Восточной Европе и СССР, образования новой российской государственности на принципах федерализма. В отечественной литературе по данному вопросу высказываются две полярно противоположные, по сути дела исключающие друг друга точки зрения. Сторонники одной точки зрения считают, что в федеративном государстве субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, поскольку не может быть государства в государстве, суверенитета в суверенитете. По мнению сторонников другой точки зрения, в федеративном государстве каждый субъект федерации сохраняет политико-правовое качество суверенной государственности, хотя его суверенитет и ограничивается рамками, переданными федеративным органам компетенции. В то же время суверенитет федерации также ограничен компетенциями ее субъектов.

Ведущие споры и дискуссии убедительно показывают сложность соотнесения принципа государственного суверенитета с принципами федерализма. Л. Дюги не без оснований подчеркивал, что с точки зрения понятия суверенитета "нельзя создать юридически удовлетворительную конструкцию федерального государства". И действительно, федерация предполагает государственность на двух уровнях.

В принципе федерация как единое неделимое государство немислима без его безусловного суверенитета на всей занимаемой им территории. Вместе с тем федерация — это объединение государств или государственных образований. Поскольку о государстве можно говорить тогда и только тогда, когда оно обладает той или иной долей суверенитета, то можно сказать, что федерация делит суверенитет со своими субъектами. Но здесь возникает вопрос о качестве и объеме суверенитета на двух государственно-властных уровнях. Иначе говоря, речь идет о делимости суверенитета между федеральным уровнем и субъектами федерации. Здесь два источника и уровня власти: центральное или федеративное правительство и правительства отдельных штатов (как в ОПТА) или земель (как в ФРГ). Последние часть своих властных полномочий делегируют федеральному правительству. В ведение последнего передаются основополагающие для любого государства проблемы: обороны, внешней политики, денежного обращения и финансового регулирования, политики в области труда и трудовых отношений, социальной защиты населения и т.д. Полномочия по всем вопросам, не переданным федеральному правительству, остаются за субъектами федерации. При разграничении прерогатив и компетенции между двумя уровнями обеспечиваются верховенство федеральной конституции и законов, соответствие им конституций и законов субъектов федерации. Одним из важнейших принципов федерализма можно считать *субсидиарность*. Его суть состоит в распределении полномочий между различными уровнями власти таким образом, что в ведении верхних эшелонов власти остаются только те функции, которые они могут выполнять лучше, чем нижние эшелоны. Соединяя политические и экономические идеи федерализма, субсидиарность является практическим воплощением принципов децентрализации и плюрализма в территориальных терминах.

Проиллюстрируем на примере ФРГ, как этот принцип осуществляется. Согласно Основному закону этой страны, в исключительное ведение федерального центра входят следующие сферы: внешняя политика и оборона; координация деятельности по защите конституции и основ конституционного строя, внешнеполитических и внешнеэкономических интересов страны; гражданство; денежная система; таможенная и охрана границ; почта и электросвязь; железные дороги и авиация; авторское и издательское право; координация взаимодействия земель в борьбе с уголовной преступностью и т.д. Что касается прерогатив земель, то каталог так называемого конкурирующего законодательства, т.е. законов, которые могут принимать и земли, и федерация, включает около 25 сфер регулирования. В ведение земель входят: культурная, полицейская и коммунальная сферы, вопросы гражданского и уголовного права, судостроительства и судопроизводства, хозяйственного права, национализации, судоходства и др. Федерация и земли самостоятельно решают бюджетные проблемы, хотя при этом должны учитывать требования национальной экономической стратегии, долгосрочного финансового планирования и т.д. [70, с. 50-61, 63-64].

Из принципа субсидиарности вытекает принцип автономности, или самоуправляемости, субъектов федерации. Субъекты федерации, а именно, земли в Австрии и Германии, штаты в США, провинции в Канаде имеют право принимать собственные конституции и законы, обладают значительной степенью самостоятельности в решении достаточно широкого круга проблем. Они регулируют свои отношения с центральным правительством на договорной

основе при соблюдении равноправия всех субъектов федерации. Проблемы, как правило, решаются на том уровне, на котором они возникают. Иначе говоря, власть осуществляется множеством правительственных органов, каждый из которых обладает своими властными прерогативами и компетенциями. Определенное разделение властей по вертикали призвано сдерживать и уравнивать влияние различных органов управления. Федерализм подразумевает многообразие реализации властных функций в рамках упорядоченной структуры связей. Здесь имеет место не слияние, а единство в многообразии.

Различаются договорные и конституционно-договорные федерации. В первом случае федерация — это объединение государств, которые на основе договора делегировали ряд своих прав и прерогатив общему для всех них центральному правительству. При этом каждый член федерации сохраняет за собой суверенитет в принадлежащей ему юрисдикции. Центральное правительство не может внести каких-либо изменений в конституционный договор, а каждый член может при желании расторгнуть этот договор. В конституционно-договорной федерации не предусмотрено право какого-либо из ее субъектов выйти из союза. В истории было несколько случаев разделения федерации. В 1965 г. из федеративного государства Малайзия, образованного в 1963 г., вышел один из штатов — Сингапур, определившийся как самостоятельное суверенное государство. В 1992 г. Чехословацкая федерация распалась на два самостоятельных государства — Чехию и Словакию. Попытки же силового решения проблем выхода из федерации, как правило, чреваты непредсказуемыми кровавыми последствиями. Это воочию продемонстрировали события и перипетии, связанные с выходом из состава США одиннадцати южных штатов в начале 60-х годов XIX в., развалом СССР и Югославии в наши дни.

Исторический опыт, особенно нашей страны, Югославии и Чехословакии, показал бесперспективность попыток решения национального вопроса в рамках федерации путем ее национально-политической организации. Здесь для нас несомненный интерес представляет тот факт, что перед такими классически федеративными государствами, как США и Германия, продемонстрировавшими свою жизнеспособность и пригодность к истории, не стояла проблема решения национального вопроса. В них политико-территориальное деление не привязано к национально-территориальному делению, определение национальности привязано к гражданству страны.

Конфедерация представляет собой внутренне противоречивую форму политической организации. Для нее прежде всего характерны юрисдикционные споры, немыслимые для федеративного и унитарного государств. Каждое входящее в конфедерацию государственное образование почти в полном объеме сохраняет свои конститутивные прерогативы и власть. Поэтому центральное правительство испрашивает у правительств отдельных государственных образований полномочия для выполнения тех или иных проблем, и они решают, какие именно полномочия предоставить центральному правительству. Поскольку слабое центральное правительство получает средства на свою деятельность за счет более или менее добровольных взносов от нижестоящих правительств, индивидуальный гражданин испытывает на себе влияние центрального правительства лишь косвенно и отдаленно. В целом можно утверждать, что федерация предполагает наличие центра, который вправе принимать властные решения, затрагивающие всех субъектов федерации. Конфедерация же, будучи союзом независимых государств, таким центром не располагает.

В качестве примеров конфедерации можно привести США со времени завоевания независимости 1776 г. до принятия Конституции континентальным конгрессом в 1787 г. (точнее, до ее введения в действие в 1789 г.), Германский союз в 1815-1867 гг. Особое место занимает Швейцария. Швейцарская конфедерация возникла в 1291 г. как союз трех кантонов (Швиц, Ури, Унтервальден) для защиты от Габсбургов. По-видимому, ее можно относить к конфедерации только до середины XIX в. С тех пор здесь все более отчетливо преобладала тенденция к дрейфу в сторону федерализма. Как показал исторический опыт, конфедерация является одной из самых нежизнеспособных форм государственного устройства. По-видимому, прав один из основателей Общего рынка Ж.Моне, который говорил, что существуют два типа конфедераций: те, которые трансформируются в федерации, и те, которые терпят неудачу. США, которые из слабо структурированной конфедерации превратились в мощное федеральное государство, и Швейцария, которая формально сохранив название конфедерации, на деле приобрела качество федерации, подтверждают правоту этого тезиса. Это необходимо учесть при анализе перспектив развития новой государственности в России, перед которой стоит проблема федерализации по сути централизованного унитарного государства.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что такое политическая система?
2. Чем она отличается от системного подхода?
3. Какие существуют типологизации политических систем?
4. Назовите основные типы политических систем.
5. Чем они отличаются друг от друга?
6. Что такое политический режим?
7. Каково соотношение между политической системой и политическим режимом?
8. Что понимается под территориальным разделением властей?
9. Дайте общие характеристики унитарного, федеративного и конфедеративного типов государства.